

К Л А С С И К И П О П О Л О Ч К А М

ХРЕСТОМАТИЯ

7

КЛАСС

ПУШКИН, ГОРЬКИЙ, ГОГОЛЬ,
ЛЕРМОНТОВ, ШОЛОХОВ

162 **КАРТИНКИ-**
ПОЯСНЕНИЯ

418 КОММЕНТАРИЕВ

8 ПОЭМ, ПОВЕСТЕЙ
И РАССКАЗОВ
БЕЗ СОКРАЩЕНИЙ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
МЕЩЕРЯКОВА

КАК ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ЭТОЙ КНИГОЙ

Увидел в тексте **НЕЗНАКОМОЕ СЛОВО**?

Посмотри, какая цифра написана над ним. Это — номер сноски.

•

Теперь иди в **ПРИЛОЖЕНИЕ** (оно ждёт тебя в конце каждого раздела) и найди в нём эту же цифру.

•

Всё, теперь ты можешь прочитать, что означает это слово, и узнать разные **ИНТЕРЕСНЫЕ ФАКТЫ**, относящиеся к нему!

УДК 371.671

ББК 84(2Рос=Рус)

Х91

Х91   **Хрестоматия** : 7 класс. — Москва : Издательский Дом Мещерякова, 2021. — 312 с. : ил. — (Классики по полочкам).

ISBN 978-5-00108-801-1

Что такое канчук и очипок? Как рассаживались гости на царских пирах? Что за люди чумаки и почему они всю жизнь проводили в дороге? Какое отношение к Филемону и Бавкиде имеют дуб и липа?

Чтение классической литературы вызывает порой множество вопросов не только у детей, но и у их родителей!

В этой книге мы разложим классику и классиков по полочкам, подробно расскажем о том, что означают незнакомые слова, сопроводим их интересными фактами и иллюстрациями.

Благодаря красочным примечаниям знакомство с произведениями А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, М. Горького и М.А. Шолохова станет захватывающим погружением в историю и культуру, подарит самые неожиданные открытия и сделает школьную программу по-настоящему увлекательной.

УДК 371.671

ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-00108-801-1

Мы любим бумажные книги

© М.А. Шолохов, наследники, 2021

© АО «Издательский Дом Мещерякова», 2021

Александр Сергеевич Пушкин

СТАНЦИОННЫЙ
СМОТРИТЕЛЬ

•

БАРЫШНЯ-
КРЕСТЬЯНКА

•

ПЕСНЬ
О ВЕЩЕМ ОЛЕГЕ

СТАНЦИОННЫЙ СМОТРИТЕЛЬ

Коллежский регистратор,
Почтовой станции диктатор.

Князь Вяземский

КТО НЕ ПРОКЛИНАЛ *станционных смотрителей*¹, кто с ними не бранивался? Кто, в минуту гнева, не требовал от них роковой книги, дабы вписать в оную свою бесполезную жалобу на притеснение, грубость и неисправность? Кто не почитает их извергами человеческого рода, равными покойным *подьячим*² или, по крайней мере, *муромским разбойникам*?³ Будем, однако, справедливы, постараемся войти в их положение и, может быть, станем судить о них гораздо снисходительнее. Что такое *станционный смотритель*? Сущий мученик *четырнадцатого класса*⁴, ограждённый своим чином токмо от побоев, и то не всегда (ссылаюсь на совесть моих читателей). Какова должность сего диктатора, как называет его шутливо князь Вяземский? Не настоящая ли *каторга*?⁵ Покою ни днём, ни ночью. Всю досаду, накопленную во время скучной езды, путешественник вымещает на смотрителе. Погода несносная, дорога скверная, *ямщик*⁶ упрямый, лошади не везут — а виноват смотритель. Входя в бедное его жилище,

проезжающий смотрит на него как на врага; хорошо, если удастся ему скоро избавиться от непрошеного гостя; но если не случится лошадей?.. Боже! какие ругательства, какие угрозы посыплются на его голову! В дождь и слякоть принуждён он бегать по дворам; в бурю, в *крещенский мороз*⁷ уходит он в *сени*⁸, чтоб только на минуту отдохнуть от крика и толчков раздражённого постояльца. Приезжает *генерал*⁹; дрожащий зритель отдаёт ему две последние *тройки*¹⁰, в том числе *курьерскую*¹¹. Генерал едет, не сказав ему спасибо. Чрез пять минут — колокольчик!.. и *фельдъегерь*¹² бросает ему на стол свою *подорожную*!..¹³ Вникнем во всё это хорошенько, и вместо негодования сердце наше исполнится искренним состраданием. Ещё несколько слов: в течение двадцати лет сряду изъездил я Россию по всем направлениям; почти все почтовые тракты мне известны; несколько поколений ямщиков мне знакомы; редкого зрителя не знаю я в лицо, с редким не имел я дела; любопытный запас путевых моих наблюдений надеюсь издать в непродолжительном времени; покамест скажу только, что сословие станционных зрителей представлено общему мнению в самом ложном виде. Сии столь оклеветанные зрители вообще суть люди мирные, от природы услужливые, *склонные к общежитию*¹⁴, скромные в притязаниях на почести и не слишком сребролюбивые. Из их разговоров (коими некстати пренебрегают господа проезжающие) можно почерпнуть много любопытного и поучительно-

го. Что касается до меня, то, признаюсь, я предпочитаю их беседу речам какого-нибудь *чиновника 6-го класса*¹⁵, следующего *по казённой надобности*¹⁶.

Легко можно догадаться, что есть у меня приятели из почтенного сословия смотрителей. В самом деле, память одного из них мне драгоценна. Обстоятельства некогда сблизили нас, и об нём-то намерен я теперь побеседовать с любезными читателями.

В 1816 году, в мае месяце, случилось мне проезжать через ***скую *губернию*¹⁷, по тракту, ныне уничтоженному. Находился я в мелком чине, *ехал на перекладных*¹⁸ и платил *прогоны*¹⁹ за две лошади²⁰. Вследствие сего смотрители со мною не церемонились, и часто бирали я с бою то, что, во мнении моём, следовало мне по праву. Будучи молод и вспыльчив, я негодовал на низость и малодушие смотрителя, когда сей последний отдавал приготовленную мне тройку под коляску чиновного *барина*²¹. Столь же долго не мог я привыкнуть и к тому, чтоб разборчивый *холоп*²² обносил меня блюдом на *губернаторском*²³ обеде. Ныне то и другое кажется мне в порядке вещей. В самом деле, что было бы с нами, если бы вместо общеудобного правила: *чин чина почитай*, ввелось в употребление другое, например: *ум ума почитай*? Какие возникли бы споры! и слуги с кого бы начинали кушанье подавать? Но обращаюсь к моей повести.

День был жаркий. В трёх *верстах*²⁴ от станции *** стало накрапывать, и через минуту проливной дождь вымочил меня до последней нитки. По приезде на

станцию первая забота была поскорее переодеться, вторая спросить себе чаю. «Эй, Дуня! — закричал смотритель. — Поставь самовар да сходи за сливками». При сих словах вышла из-за перегородки девочка лет четырнадцати и побежала в сени. Красота её меня поразила. «Это твоя дочка?» — спросил я смотрителя. «Дочка-с, — отвечал он с видом довольного самолюбия, — да такая разумная, такая проворная, вся в покойницу мать». Тут он принялся переписывать мою подорожную, а я занялся рассмотрением картинок, украшавших его смиренную, но опрятную *обитель*²⁵. Они изображали *историю блудного сына*²⁶. В первой почтенный старик в колпаке и *шлафорке*²⁷ отпускает беспокойного юношу, который поспешно принимает его благословение и мешок с деньгами. В другой яркими чертами изображено развратное поведение молодого человека: он сидит за столом, окружённый ложными друзьями и бесстыдными женщинами. Далее, промотавшийся юноша, в *рубашке*²⁸ и в *треугольной шляпе*²⁹, пасёт свиней и разделяет с ними *трапезу*³⁰; в его лице изображены глубокая печаль и раскаяние. Наконец представлено возвращение его к отцу; добрый старик в том же колпаке и *шлафорке* выбегает к нему навстречу: блудный сын стоит на коленях; в перспективе повар убивает упитанного телёка, и старший брат вопрошает слуг о причине таковой радости. Под каждой картинкой прочёл я приличные немецкие стихи. Всё это доныне сохранилось в моей памяти, так же как и горшки с *бальзамином*³¹, и кровать с пёстрой занавескою, и прочие предметы, меня

в то время окружавшие. Вижу, как теперь, самого хозяина, человека лет пятидесяти, свежего и бодрого, и его длинный зелёный *сертук*³² с тремя медалями на полинялых лентах.

Не успел я расплатиться со старым моим ящиком, как Дуня возвратилась с самоваром. Маленькая *кокетка*³³ со второго взгляда заметила впечатление, произведённое ею на меня; она потупила большие голубые глаза; я стал с нею разговаривать, она отвечала мне безо всякой робости, как девушка, видевшая *свет*³⁴. Я предложил отцу её стакан *пуниш*³⁵; Дуне подал я чашку чаю, и мы втроём начали беседовать, как будто век были знакомы.

Лошади были давно готовы, а мне всё не хотелось расстаться с смотрителем и его дочкой. Наконец я с ними простился; отец пожелал мне доброго пути, а дочь проводила до телеги. В сенях я остановился и просил у ней позволения её поцеловать; Дуня согласилась... Много могу я насчитать поцелуев,

С тех пор, как этим занимаюсь,

но ни один не оставил во мне столь долгого, столь приятного воспоминания.

Прошло несколько лет, и обстоятельства привели меня на тот самый тракт, в те самые места. Я вспомнил дочь старого смотрителя и обрадовался при мысли, что увижу её снова. Но, подумал я, старый смотритель, может быть, уже сменён; вероятно, Дуня уже замужем. Мысль о смерти того или другого также

мелькнула в уме моём, и я приближался к станции *** с печальным предчувствием.

Лошади стали у почтового домика. Вошед в комнату, я тотчас узнал картинки, изображающие историю блудного сына; стол и кровать стояли на прежних местах; но на окнах уже не было цветов, и всё кругом показывало ветхость и *небрежение*³⁶. Смотритель спал под *тулупом*³⁷; мой приезд разбудил его; он привстал... Это был точно *Самсон Вырин*³⁸; но как он постарел! Покамест собирался он переписать мою подорожную, я смотрел на его седину, на глубокие морщины давно не бритого лица, на сгорбленную спину — и не мог надивиться, как три или четыре года могли превратить бодрого мужчину в хилого старика. «Узнал ли ты меня? — спросил я его. — Мы с тобою старые знакомые». — «Может статься, — отвечал он угрюмо, — здесь дорога большая; много проезжих у меня перебывало». — «Здорова ли твоя Дуня?» — продолжал я. Старик нахмурился. «А бог её знает», — отвечал он. «Так, видно, она замужем?» — сказал я. Старик притворился, будто бы не слышал моего вопроса, и продолжал *пошептом*³⁹ читать мою подорожную. Я прекратил свои вопросы и велел поставить чайник. Любопытство начинало меня беспокоить, и я надеялся, что пунш разрешит язык моего старого знакомого.

Я не ошибся: старик не отказался от предлагаемого стакана. Я заметил, что ром прояснил его угрюмость. На втором стакане сделался он разговорчив; вспомнил или показал вид, будто бы вспомнил меня, и я узнал от него повесть, которая в то время сильно меня заняла и тронула.

«Так вы знали мою Дуню? — начал он. — Кто же и не знал её? Ах, Дуня, Дуня! Что за девка-то была! Бывало, кто ни проедет, всякий похвалит, никто не осудит. Барыни дарили её, та платочком, та серёжками. Господа проезжие нарочно останавливались, будто бы пообедать аль отужинать, а в самом деле только чтоб на неё подолее поглядеть. Бывало, барин, какой бы сердитый ни был, при ней утихает и милостию со мною разговаривает. Поверите ль, сударь: курьеры, фельдъегеря с нею по получасу заговаривались. Ею дом держался: что прибрать, что приготовить, за всем успевала. А я-то, старый дурак, не нагляжусь, бывало, не нарадуюсь; уж я ли не любил моей Дуни, я ль не лелеял моего дитяти; уж ей ли не было житьё? Да нет, *от беды не отбожишься*⁴⁰; что суждено, тому не миновать». Тут он стал подробно рассказывать мне своё горе. Три года тому назад, однажды, в зимний вечер, когда смотритель разлиновывал новую книгу, а дочь его за перегородкой шила себе платье, тройка подъехала, и проезжий в *черкесской шапке*⁴¹, в военной шинели, окутанный шалью, вошёл в комнату, требуя лошадей. Лошади все были *в разгоне*⁴². При сём известии путешественник возвысил было голос и *нагайку*⁴³; но Дуня, привыкшая к таковым сценам, выбежала из-за перегородки и ласково обратилась к проезжему с вопросом: не угодно ли будет ему чего-нибудь покупать? Появление Дуни произвело обыкновенное своё действие. Гнев проезжего прошёл; он согласился ждать лошадей и заказал себе ужин. Сняв мокрую, косматую

шапку, отпутав шаль и сдёрнув шинель, проезжий явился молодым, стройным *гусаром*⁴⁴ с чёрными усами. Он расположился у смотрителя, начал весело разговаривать с ним и с его дочерью. Подали ужинать. Между тем лошади пришли, и смотритель приказал, чтоб тотчас, не кормя, запрягали их в *кибитку*⁴⁵ проезжего; но, возвратясь, нашёл он молодого человека почти без памяти лежащего на лавке: ему сделалось дурно, голова разболелась, невозможно было ехать... Как быть! смотритель уступил ему свою кровать, и положено было, если больному не будет легче, на другой день утром послать в С*** за лекарем.

На другой день гусару стало хуже. Человек его поехал верхом в город за лекарем. Дуня обвязала ему голову платком, намоченным уксусом, и села с своим шитьём у его кровати. Больной при смотрителе охал и не говорил почти ни слова, однако ж выпил две чашки кофе и охая заказал себе обед. Дуня от него не отходила. Он поминутно просил пить, и Дуня подносила ему кружку ею заготовленного лимонада. Больной обмакивал губы и всякий раз, возвращая кружку, в знак благодарности слабою своею рукою пожимал Дунюшкину руку. К обеду приехал лекарь. Он пощупал пульс больного, поговорил с ним *по-немецки*⁴⁶ и по-русски объявил, что ему нужно одно спокойствие и что дня через два ему можно будет отправиться в дорогу. Гусар вручил ему двадцать пять рублей за визит, пригласил его отобедать; лекарь согласился; оба ели

с большим аппетитом, выпили бутылку вина и расстались очень довольны друг другом.

Прошёл ещё день, и гусар совсем оживился. Он был чрезвычайно весел, без умолку шутил то с Дунею, то с смотрителем; насвистывал песни, разговаривал с проезжими, вписывал их подорожные в почтовую книгу и так полюбился доброму смотрителю, что на третье утро жаль было ему расстаться с любезным своим постояльцем. День был воскресный; Дуня собиралась к *обедне*⁴⁷. Гусару подали кибитку. Он простился с смотрителем, щедро наградив его за постой и угощение; простился и с Дунею и вызвался довести её до церкви, которая находилась на краю деревни. Дуня стояла в недоумении... «Чего же ты боишься? — сказал ей отец. — Ведь его высокоблагородие не волк и тебя не съест: прокатись-ка до церкви». Дуня села в кибитку подле гусара, слуга вскочил на *облучок*⁴⁸, ямщик свистнул, и лошади поскакали.

Бедный смотритель не понимал, каким образом мог он сам позволить своей Дуне ехать вместе с гусаром, как нашло на него ослепление и что тогда было с его разумом. Не прошло и получаса, как сердце его начало ныть, ныть, и беспокойство овладело им до такой степени, что он не утерпел и пошёл сам к *обедне*. Подходя к церкви, увидел он, что народ уже расходился, но Дуни не было ни в ограде, ни на *паперти*⁴⁹. Он поспешно вошёл в церковь: священник выходил из *алтаря*⁵⁰; *дьячок*⁵¹ гасил свечи, две старушки молились ещё в углу; но Дуни в церкви не было. Бедный

отец насилу решился спросить у дьячка, была ли она у обедни. Дьячок отвечал, что не бывала. Смотритель пошёл домой ни жив ни мёртв. Одна оставалась ему надежда: Дуня по ветрености молодых лет вздумала, может быть, прокатиться до следующей станции, где жила её крёстная мать. В мучительном волнении ожидал он возвращения тройки, на которой он отпустил её. Ямщик не возвращался. Наконец к вечеру приехал он один и хмелён, с убийственным известием: «Дуня с той станции отправилась далее с гусаром».

Старик не снёс своего несчастья; он тут же слёг в ту самую постель, где накануне лежал молодой обманщик. Теперь смотритель, соображая все обстоятельства, догадывался, что болезнь была притворная. Бедняк занемог сильной горячкою; его свезли в С*** и на его место определили на время другого. Тот же лекарь, который приезжал к гусару, лечил и его. Он уверил смотрителя, что молодой человек был совсем здоров и что тогда ещё догадывался он о его злобном намерении, но молчал, опасаясь его нагайки. Правду ли говорил немец или только желал похвастаться дальновидностию, но он нимало тем не утешил бедного больного. Едва оправясь от болезни, смотритель выпросил у С*** *почтмейстера*⁵² отпуск на два месяца и, не сказав никому ни слова о своём намерении, пешком отправился за своею дочерью. Из подорожной знал он, что *ротмистр*⁵³ Минский ехал из Смоленска в Петербург. Ямщик, который вёз его, сказывал, что всю дорогу Дуня плакала, хотя, казалось, ехала по сво-

ей охоте. «Авось, — думал смотритель, — приведу я домой заблудшую овечку мою». С этой мыслью прибыл он в Петербург, *остановился в Измайловском полку*⁵⁴, в доме *отставного унтер-офицера*⁵⁵, своего старого сослуживца, и начал свои поиски. Вскоре узнал он, что ротмистр Минский в Петербурге и живёт в *Демутовом трактире*⁵⁶. Смотритель решился к нему явиться.

Рано утром пришёл он в его *переднюю*⁵⁷ и просил доложить его высокоблагородию, что старый солдат просит с ним увидеться. Военный лакей, чистя сапог на колодке, объявил, что барин почивает и что прежде одиннадцати часов не принимает никого. Смотритель ушёл и возвратился в назначенное время. Минский вышел сам к нему в халате, в красной *скуфье*⁵⁸. «Что, брат, тебе надобно?» — спросил он его. Сердце старика закипело, слёзы навернулись на глазах, и он дрожащим голосом произнёс только: «Ваше высокоблагородие!.. сделайте такую божескую милость!..» Минский взглянул на него быстро, вспыхнул, взял его за руку, повёл в кабинет и запер за собою дверь. «Ваше высокоблагородие! — продолжал старик. — Что с возу упало, то пропало; отдайте мне, по крайней мере, бедную мою Дуню. Ведь вы натешились ею; не погубите ж её понапрасну». — «Что сделано, того не воротишь, — сказал молодой человек в крайнем замешательстве, — виноват перед тобою и рад просить у тебя прощения; но не думай, чтоб я Дуню мог покинуть: она будет счастлива, даю тебе честное слово. Зачем тебе её? Она меня любит; она отвыкла от прежнего своего состояния. Ни

ты, ни она — вы не забудете того, что случилось». Потом, сунув ему что-то за рукав, он отворил дверь, и смотритель, сам не помня как, очутился на улице.

Долго стоял он неподвижно, наконец увидел за *обшлагом*⁵⁹ своего рукава свёрток бумаг; он вынул их и развернул несколько пяти- и десятирублёвых смятых *ассигнаций*⁶⁰. Слёзы опять навернулись на глазах его, слёзы негодования! Он сжал бумажки в комок, бросил их наземь, притоптал каблуком и пошёл... Отошед несколько шагов, он остановился, подумал... и воротился... но ассигнаций уже не было. Хорошо одетый молодой человек, увидя его, подбежал к извозчику, сел поспешно и закричал: «Пошёл!..» Смотритель за ним не погнался. Он решился отправиться домой на свою станцию, но прежде хотел хоть ещё раз увидеть бедную свою Дуню. Для сего дня через два воротился он к Минскому; но военный лакей сказал ему сурово, что барин никого не принимает, грудью вытеснил его из передней и хлопнул двери ему под нос. Смотритель постоял, постоял — да и пошёл.

В этот самый день, вечером, шёл он по *Литейной*⁶¹, отслужив *молебен*⁶² у *Всех Скорбящих*⁶³. Вдруг промчались перед ним щегольские *дрожки*⁶⁴, и смотритель узнал Минского. Дрожки остановились перед трёхэтажным домом, у самого подъезда, и гусар вбежал на крыльцо. Счастливая мысль мелькнула в голове смотрителя. Он воротился и, поравнявшись с кучером: «Чья, брат, лошадь? — спросил он. — Не Минского ли?» — «Точно так, — отвечал кучер, — а что

тебе?» — «Да вот что: барин твой приказал мне отнести к его Дуне записочку, а я и позабудь, где Дуня-то его живёт». — «Да вот здесь, во втором этаже. Опоздал ты, брат, с твоей запиской; теперь уж он сам у неё». — «Нужды нет, — возразил смотритель с неизъяснимым движением сердца, — спасибо, что надоумил, а я своё дело сделаю». И с этим словом пошёл он по лестнице.

Двери были заперты; он позвонил, прошло несколько секунд в тягостном для него ожидании. Ключ загремел, ему отворили. «Здесь стоит Авдотья Самсоновна?» — спросил он. «Здесь, — отвечала молодая служанка, — зачем тебе её надобно?» Смотритель, не отвечая, вошёл в залу. «Нельзя, нельзя! — закричала вслед ему служанка. — У Авдотьи Самсоновны гости». Но смотритель, не слушая, шёл далее. Две первые комнаты были темны, в третьей был огонь. Он подошёл к растворенной двери и остановился. В комнате, прекрасно убранной, Минский сидел в задумчивости. Дуня, одетая со всею роскошью моды, сидела на ручке его кресел, как наездница на своём *английском седле*⁶⁵. Она с нежностью смотрела на Минского, наматывая чёрные его кудри на свои сверкающие пальцы. Бедный смотритель! Никогда дочь его не казалась ему столь прекрасною; он поневоле ею любовался. «Кто там?» — спросила она, не подымая головы. Он всё молчал. Не получая ответа, Дуня подняла голову... и с криком упала на ковёр. Испуганный Минский кинулся её поднимать и, вдруг увидя в дверях старого смотрителя, оставил Дуню и подошёл к нему, дрожа от гнева. «Чего

тебе надобно? — сказал он ему, стиснув зубы. — Что ты за мною всюду крадёшься, как разбойник? или хочешь меня зарезать? Пошёл вон!» — и, сильной рукою схватив старика за ворот, вытолкнул его на лестницу.

Старик пришёл к себе на квартиру. Приятель его советовал ему жаловаться; но смотритель подумал, махнул рукой и решился отступить. Через два дня отправился он из Петербурга обратно на свою станцию и опять принялся за свою должность. «Вот уже третий год, — заключил он, — как живу я без Дуни и как об ней нет ни слуху ни духу. Жива ли, нет ли, бог её ведаёт. Всяко случается. Не её первую, не её последнюю сманил проезжий *повеса*⁶⁶, а там подержал да и бросил. Много их в Петербурге, молоденьких дур, сегодня в атласе да бархате, а завтра, поглядишь, *метут улицу вместе с голью кабацкою*⁶⁷. Как подумаешь порою, что и Дуня, может быть, тут же пропадает, так поневоле согрешишь да пожелаешь ей могилы...»

Таков был рассказ приятеля моего, старого смотрителя, рассказ, неоднократно прерываемый слезами, которые живописно отирал он своею *полою*⁶⁸, как *усердный Терентьич в прекрасной балладе Дмитриева*⁶⁹. Слезы сии отчасти возбуждаемы были пуншем, коего вытянул он пять стаканов в продолжение своего повествования; но как бы то ни было, они сильно тронули моё сердце. С ним расставшись, долго не мог я забыть старого смотрителя, долго думал я о бедной Дуне...

Недавно ещё, проезжая через местечко ***, вспомнил я о моём приятеле; я узнал, что станция, над ко-

торой он начальствовал, уже уничтожена. На вопрос мой: «Жив ли старый смотритель?» — никто не мог дать мне удовлетворительного ответа. Я решился посетить знакомую сторону, взял вольных лошадей и пустился в село Н.

Это случилось осенью. Серенькие тучи покрывали небо; холодный ветер дул с пожатых полей, унося красные и жёлтые листья со встречных деревьев. Я приехал в село при закате солнца и остановился у почтового домика. В сени (где некогда поцеловала меня бедная Дуня) вышла толстая баба и на вопросы мои отвечала, что старый смотритель с год как помер, что в доме его поселился пивовар, а что она жена пивоварова. Мне стало жаль моей напрасной поездки и семи рублей, издержанных даром. «Отчего ж он умер?» — спросил я пивоварову жену. «Спился, батюшка», — отвечала она. «А где его похоронили?» — «За *околицей*⁷⁰, подле покойной хозяйки его». — «Нельзя ли довести меня до его могилы?» — «Почему же нельзя. Эй, Ванька! полно тебе с кошкою возиться. Проводи-ка барина на кладбище да укажи ему смотрителеву могилу».

При сих словах оборванный мальчик, рыжий и кривой, выбежал ко мне и тотчас повёл меня за околицу.

— Знал ты покойника? — спросил я его дорогой.

— Как не знать! Он выучил меня дудочки вырезать. Бывало (царство ему небесное!), идёт из кабака, а мы-то за ним: «Дедушка, дедушка! орешков!» — а он нас орешками и наделяет. Всё, бывало, с нами возится.

— А проезжие вспоминают ли его?

— Да ныне мало проезжих; разве *заседатель*⁷¹ завернёт, да тому не до мёртвых. Вот летом проезжала барыня, так та спрашивала о старом смотрителе и ходила к нему на могилу.

— Какая барыня? — спросил я с любопытством.

— Прекрасная барыня, — отвечал мальчишка, — ехала она в карете в шесть лошадей, с тремя маленькими барчатами и с кормилицей, и с чёрной *моською*⁷²; и как ей сказали, что старый смотритель умер, так она заплакала и сказала детям: «Сидите смирно, а я схожу на кладбище». А я было вызвался довести её. А барыня сказала: «Я сама дорогу знаю». И дала мне *пятак серебром*⁷³ — такая добрая барыня!..

Мы пришли на кладбище, голое место, ничем не ограждённое, усеянное деревянными крестами, не осенёнными ни единым деревцом. Отроду не видал я такого печального кладбища.

— Вот могила старого смотрителя, — сказал мне мальчик, вспрыгнув на груды песка, в которую врыт был чёрный крест с медным образом.

— И барыня приходила сюда? — спросил я.

— Приходила, — отвечал Ванька, — я смотрел на неё издали. Она легла здесь и лежала долго. А там барыня пошла в село и призвала попа, дала ему денег и поехала, а мне дала пятак серебром — славная барыня!

И я дал мальчишке пятачок и не жалел уже ни о поездке, ни о семи рублях, мною истраченных.

Станционный смотритель

1 Станционный смотритель — человек, который отвечал за почтовую станцию. На подобных станциях, расположенных на главных дорогах Российской империи, перевозящие почту почтари получали свежих лошадей. Здесь же могли остановиться и обычные путешественники. На станции можно было отдохнуть, поесть и переночевать. Смотрители обязаны были иметь на станции лошадей, повозки и необходимую экипировку — конскую упряжь, чемоданы, сумки, сёдла... Служба смотрителей была очень утомительна, а зарплата невелика.

2 Подъячий — писец, мелкий чиновник учреждений.

3 Муромский разбойник — густой и дремучий лес во Владимирской области, с тёмными елями, могучими соснами, мхами и болотами, был полон диких зверей и считался пристанищем различной нечисти. С древности муромские леса становились приютом для разбойников, грабивших проезжающих путников.

4 Четырнадцатый класс — чин коллежского регистратора, который имели станционные смотрители. В 1722 году Петр I учредил «Табель о рангах», по которому в России вводились 14 чинов для людей на военной и гражданской службах. Коллежский регистратор — низший чин, он был равен корнету и прапорщику в армии и давал право на личное дворянство, то есть то, которое нельзя было передать по наследству.

- 5 Каторга** — особое наказание для преступников в Российской империи: их содержали в суровых условиях и привлекали к тяжёлому труду. Каторжники работали на рудниках, на строительстве железных дорог, на солевых заводах. В основном каторжников отправляли в Сибирь и на остров Сахалин.

- 6 Ямщик** — человек, занимающийся перевозкой людей и грузов на повозках, запряжённых лошадьми. Ямщики числились государственными служащими и вместе с семьями жили в специальных слободах-посёлках, располагавшихся вдоль оживлённых дорог. Ямщики присоединяли к дугам, к которым крепились оглобли, специальные колокольчики. Звон этих так называемых поддужных колокольчиков был слышен за несколько километров.

- 7 Крещенский мороз** — по народным поверьям самые сильные морозы наступали на Крещение. Этот большой православный праздник в честь крещения Иисуса Христа в водах Иордана отмечают 19 января по новому стилю.

8 Сени — нежилое помеще-
ние между жилой частью
дома и крыльцом в дере-
венских избах и в старин-
ных городских домах.

10 Тройка — три лошади в одной упряжке.
Тройка была придумана для быстрой, до
50 километров в час, езды на длинные рас-
стояния. Центральную лошадь в упряжке на-
зывали коренной, а боковых — пристяжными.

9 Генерал — во-
инское звание
высшего офи-
церского соста-
ва в армии.

11 Курьерская — тройка, предназначенная
для курьеров со срочными сообщения-
ми, которые следовали без длительных
остановок на почтовых станциях.

12 Фельдъегерь — военный или прави-
ТЕЛЬСТВЕННЫЙ курьер, имевший право
на получение лошадей на станции вне
очереди.

13 Подорожная — документ на право проезда и пользова-
ния почтовыми лошадьми для едущих по особой госу-
дарственной надобности. Остальные путешественни-
ки меняли лошадей на станции в порядке чинов, то есть
высшим чинам их выдавали в первую очередь, осталь-
ным приходилось ждать.

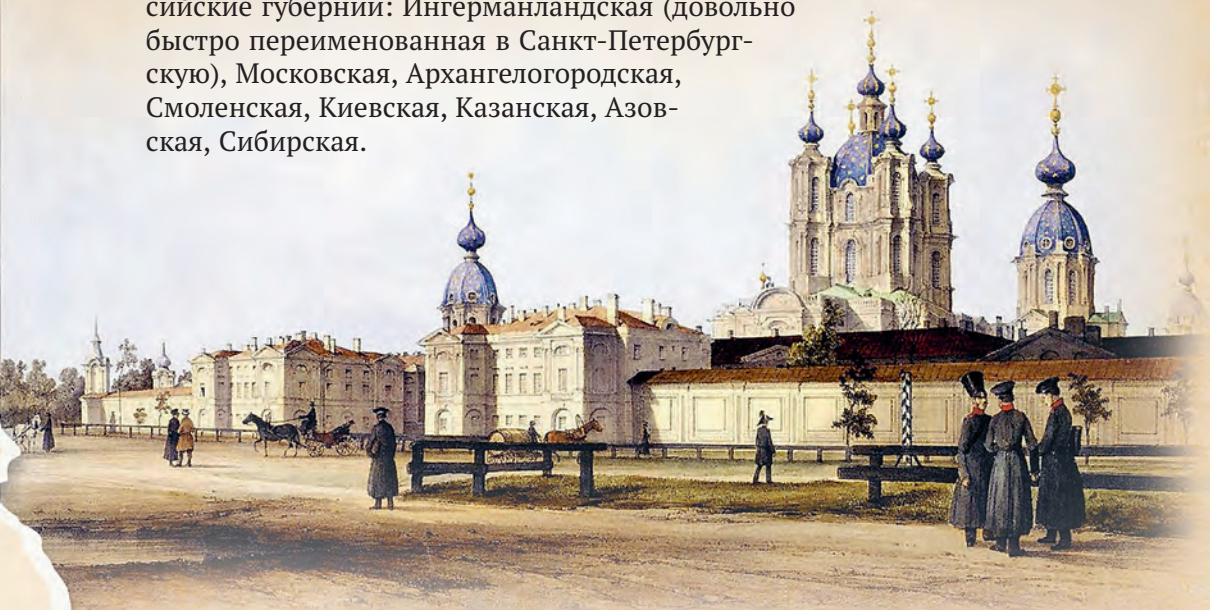
14 Склонный к общечитию —
уживчивый, умеющий ладить
с другими.

15 Чиновник 6-го класса — чин коллежского советни-
ка, обычно это начальник какого-либо отдела в госу-
дарственных учреждениях; на военной службе этому
чину соответствовал чин полковника армии или под-
полковника гвардии.

16 По казённой надобности —
по делам государственного
учреждения.

- 17 Губерния** — с 1708 года Россия делилась на губернии, которых сначала было восемь, а к середине XIX века — уже 55. Самые первые российские губернии: Ингерманландская (довольно быстро переименованная в Санкт-Петербургскую), Московская, Архангелогородская, Смоленская, Киевская, Казанская, Азовская, Сибирская.

- 18 Ехать на перекладных** — ехать в почтовом экипаже, затем на почтовой станции пересаживаться на другой, перекаладывая и свои вещи.

- 19 Прогон** — плата ямщикам за провоз на почтовых лошадях от одной станции до другой; прогоны были достаточно высоки: 5–10 копеек за версту, то есть за километр.

- 20 За две лошади** — количество лошадей, которых на станции мог получить путешественник, определялось его чином. Две лошади полагались нижним чинам, три — чиновнику десятого класса и так далее. Чиновник второго класса имел право на пятнадцать лошадей, а первого — на двадцать.

СОДЕРЖАНИЕ

А. С. ПУШКИН

СТАНЦИОННЫЙ СМОТРИТЕЛЬ

7

БАРЫШНЯ-КРЕСТЬЯНКА

23

ПЕСНЬ О ВЕЩЕМ ОЛЕГЕ

49

Примечания

54

Н. В. ГОГОЛЬ

ВИЙ

81

СТАРОСВЕТСКИЕ ПОМЕЩИКИ

137

Примечания

172

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

Песня про царя Ивана Васильевича,
молодого опричника
и удалого купца Калашникова

185

Примечания

206

М. ГОРЬКИЙ

Старуха Изергиль

215

Примечания

246

М. А. ШОЛОХОВ

Судьба человека

255

Примечания

304